

НЕЗАВЕРШЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Террор обострил борьбу за власть внутри земского руководства. Ставки в этой борьбе были исключительно велики. Проигравшим грозила плаха.

С помощью опричнины дьяки Щелкаловы расправились с Висковатым и Фуниковым, пользовавшимися покровительством Захарьиных. В свою очередь, Захарьины попытались использовать опричнину, чтобы устранить Щелкаловых.

Некий подьячий Айгустов подал донос на Василия Щелкалова. Доносчик не выдержал пытки и сознался, что «он сставлял на Василья многие дела по науку князя Михаила Черкасского». Интрига не удалась.

Недрузи Черкасского действовали более успешно. Они не решились напасть на здравствовавших бояр Захарьиных и подали донос на покойного боярина Василия Юрьева-Захарьина. В царском архиве хранилось «дело Прокоша Цвиленева,

что сказал на него наугороцкий подьячий Богданко Прокофьев государское дело и про зсылку Василия Михайловича Юрьева». По Синодику, Цвилленев был казнен в Москве в дни суда над Пименом. Грозный не мог покарать умершего боярина, но велел убить дочь Юрьева с ее малолетним сыном. Опричники не позволили похоронить тела убитых по христианскому обычаю. Казненная была троюродной сестрой царевича Ивана, а мужем ее был глава опричной думы Черкасский. В горах кровная месть была непреложным законом. Кабардинский князь не простил Ивану убийства жены и сына.

Со своей стороны царь старался держать шурина в постоянном страхе. По ничтожному поводу он велел повесить на воротах его дома трех главных слуг и не позволял снимать тела две недели. В другой раз он приказал привязать к дверям его дома медведей.

В походе против татар Черкасский занял пост самого многочисленного в опричном войске передового полка. В дни похода прошел слух, что в набеге Девлет-Гирея участвует отец князя Михаила. Из-за этого Грозный, как полагают, велел стрельцам зарубить шурина. Так ли это?

Царь сам позаботился о том, чтобы изложить обстоятельства своего конфликта с воеводами. В 1572 г. в беседе с литовским гонцом Грозный жаловался: «Передо мной пошло семь воевод с многими людьми, и они мне о войске татарском знать не дали»; «Мои привели меня на татарское войско, в четырех милях, а я о них не знал». Слова царя объясняют смерть Черкасского.

Грозный ничего не знал о том, что Девлет-Гирей вышел в тыл русской армии. Татары внезапно появились в четырех верстах от его ставки. Это расстояние татарская конница могла преодолеть в течение пятнадцати минут. Царь едва избежал татарского плена. Перед царем шел передовой полк Черкасского. Его-то Иван и заподозрил в измене. Слух о том, что с Девлет-ханом идет Темгрюк, усилил подозрения. Схема заговора была готова. Черкасский сослался с отцом и навел татар на ставку царя. Английский посол Джильс Флетчер записал

сведения о том, что в 1571 г. царь покинул поле боя, потому что «сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам».

Сам Грозный говорил, обращаясь к крымскому послу: «Брат наш Девлет-Гирей сослався с нашими изменники з бояры, да пошел на нашу землю, а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью встречу разбойика Кудеяра Тищенко».

Имена «изменников»-бояр известны благодаря Синодику. В ближайшее время после майской катастрофы были казнены опричные бояре, подставившие монарха под удар противника, — второй воевода передового полка, помощник Черкасского, боярин князь Василий Темкин-Ростовский с сыном, воевода сторожевого полка Василий Петрович Яковлев-Захарьин, опричный кравчий Федор Салтыков.

Грозный публично обвинял бояр Шереметевых, что они изменнически ссылаются с крымским ханом.

В дни набега русские захватили в поле барымского царевича, пытавшегося перебежать к татарам. На пытке он показал, будто его послали в Крым кравчий Федор Салтыков и боярин Иван Мстиславский, а «приказали с ним, чтобы царь (хан) воротился к Москве, и только придет к Москве, и Москва будет его». Из его показаний следовало, что изменники не только навели татар на Москву, но и желали, чтобы Крым удержал под своею властью спаленную Москву, что было и вовсе не правдоподобно.

Глава земской Боярской думы князь Иван Мстиславский признал свою вину и тем спас свою голову. Летом 1571 г. Грозный заставил его подписать поручные записи с таким признанием: «...изменил, навел есми с моими товарищи (воеводами. — *Р.С.*) безбожного крымского царя Девлет-Гирея... моею изменою и моих товарищев крестьянская кровь многая пролита, а крестьянство многое множество погребению не сподобилось».

Главный воевода, повинный в гибели Москвы, заслуживал смертной казни. Вместо того он получил почетный пост наместника Новгорода Великого и отбыл туда из столицы.

Возникло дело о боярской измене в пользу Крыма. Оно могло вылиться в новый многолетний процесс. Но этого не случилось. Громить пожарище, оставшееся на месте Москвы, не имело смысла, тем более что следовало ждать нового нападения крымцев, и надо было подумать о защите столицы, стены которой были полуразрушены.

Новое дело так и не сложилось. Жертвы подозрительности царя записаны в Синодике в разных местах, без всякого порядка и с пропусками.

Опричный корпус был создан, чтобы обеспечить личную безопасность монарха. Корпус не только не справился с этой задачей, но едва не погубил государя, наведя на него крымцев. Неудивительно, что после катастрофы Грозный довершил разгром опричного руководства. Боярин и дворецкий Лев Салтыков, занимавший в опричной думе высшие посты, был насильственно пострижен в Троице-Сергиевом монастыре, а затем казнен. Имя его записано в кратком Синодике. Опричный боярин Иван Чеботов был заточен в одном из ростовских монастырей. Самый знатный из думных дворян опричнины Иван Воронцов был убит, о чем сообщает Курбский. Сподвижника Басмановых ясельничего Петра Зайцева Грозный велел повесить на воротах собственного дома.

Несмотря на все высокие посты и титулы, Мстиславский не пользовался большим влиянием в земщине. Признание в измене окончательно подорвало его авторитет в народе. Но в земской думе были силы, пережившие террор. Они группировались вокруг Захарьиных и их родни.

Возвышение Захарьиных началось при Дмитрии Донском. Федор Кошка был его любимым боярином. Сын Кошки Иван служил казначеем у Василия I. При Иване III Яков Захарьин-Кошкин сделал все, чтобы искоренить дух новгородской вольности. Он казнил многих новгородцев за покушение на его жизнь и провел первую экспроприацию в истории России. Все местные землевладельцы лишились владений и были выселены из Новгорода. От Якова пошел род бояр Яковлевых, от его младшего брата Юрия — бояр Юрьевых. Поборник москов-

ского благочестия Михаил Юрьев был ближним боярином Василия III. Он отличился тем, что требовал расправы над Максимом Философом. Юрьев был одним из опекунов малолетнего Ивана IV.

Самой младшей ветвью Захарьиных были Романовы-Юрьевы. Брак царя с Анастасией Романовой безмерно возвысил их. В 1560 г. Грозный назначил нескольких Захарьиных опекунами малолетнего наследника царевича Ивана. Накануне опричнины их влияние рухнуло. Данила Романов умер, а Иван Яковлев подвергся аресту. В письме к думе в 1565 г. Грозный объявил персональную опалу новому дворецкому Никите Романову.

К началу 1570-х годов думные чины имели Никита Романов, бояре Семен Васильевич, Иван Петрович и Василий Петрович Яковлевы, их родня бояре Шереметевы. На них царь и обрушил свой гнев.

Великий боярин Иван Большой Шереметев, спасая голову, ушел в монастырь до сожжения Москвы. Василий Петрович и его брат Иван Яковлевы были забиты палками в 1571 г. Царь поначалу простил Семену Яковлеву его участие в новгородском заговоре, но после катастрофы вспомнил о нем и велел казнить вместе с сыном Никитой. В Синодике записаны: «Семен Васильев, его сын Никита». Об их убийстве сообщает Курбский.

Захарьины подверглись подлинному разгрому. В думе остался один лишь Никита Романов.

Опричнина выдвинула нетитулованное старомосковское боярство на авансцену как в земщине, так и в опричнине. Разгром заговоров Федорова-Челяднина, Данилова в земщине и Басманова в опричнине, наконец, Захарьиных в опричнине и земщине покончил с могуществом старомосковской знати.

Не имея опоры ни в опричной, ни в земской думе, Грозный попытался найти опору среди жертв террора.

Род князей Пронских серьезно пострадал от гонений опричнины. Старший из бояр Пронских Иван Турунтай был забит палками примерно в 1569 г. Князь Василий Рыбин-Пронский лишился головы тремя годами ранее.

Петр Пронский служил в боярах у князя Владимира Старицкого. После перехода на царскую службу он участвовал в расследовании заговора сторонников Старицкого в Новгороде. В дни погрома он каждый день выезжал из города навстречу государю и докладывал о том, что произошло за ночь. В начале 1571 г. боярин был принят в опричнину.

К осени 1570 г. на опричную службу был зачислен князь Никита Одоевский. Его сестра, бывшая замужем за князем Владимиром, была отравлена с мужем и детьми на Богане осенью 1569 г. После сожжения Москвы Одоевский был пожалован в бояре и вошел в опричную думу.

Одновременно с Одоевским в опричнину был принят князь Андрей Хованский, двоюродный племянник Евфросиньи Старицкой. Он прежде был боярином и дворецким у князя Владимира. Членом опричной думы стал Никита Борисов, родня которого подверглась казни по делу Федорова. По матери Евфросинья Старицкая была Борисовой.

Три года Грозный вел настоящую охоту за мнимыми сторонниками брата Владимира, а теперь, казалось бы, решил составить новую опричную думу из его родни и бояр.

Формально опричной думой руководил служилый князь Федор Трубецкой, младший родич Бельских и Мстиславских. Он попал в опричнину к осени 1570 г. и к маю 1571 г. занял пост первого дворового воеводы, оттеснив Черкасского.

Не позднее лета 1570 г. воеводский чин в опричнине получил известный воевода князь Василий Барбашев-Суздальский, а к весне 1572 г. главой опричной думы стал князь Иван Андреевич Шуйский.

Опричнина начала с казни Горбатого-Суздальского, а закончила тем, что перешла под руководство Шуйского. Цикл замкнулся.

Опричному двору нужен был новый блестящий фасад, и царь постарался пополнить опричную думу представителями самых знатных фамилий России. Все это вовсе не означало, что в опричнине в конечном итоге взяла верх высшая аристократия. Опричники Таубе и Крузе весьма метко характери-

зовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев. Представители высшей титулованной знати, появившиеся в опричнине, принадлежали ко второй категории: в большинстве своем это были люди сравнительно молодые.